

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.17223/18137083/81/23

Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности

**Наталья Борисовна Лебедева¹
Татьяна Геннадьевна Рабенко²**

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ nlebedevab@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6611-1489>

² rabenko@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

Аннотация

Рассматривается вопрос о значимости субстрата (материального носителя письменного знака) текстов естественной письменной речи в образовании и функционировании жанров. К естественной письменной речи относятся спонтанные, неофициальные, непрофессиональные тексты, в которых отсутствует участие промежуточных лиц и инстанций (цензоры, редакторы) между пишущим и читающим. Жанрообразующая релевантность субстрата в соотношении с функционально-содержательными характеристиками жанра заключается в его функции канала связи. Рассматриваются разные типы взаимозависимости этих сторон – от высокой степени их взаимосвязи до относительно нейтральной. С учетом концепции М. Фуко намечаются четыре типа соотношения субстрата и функционально-содержательных признаков жанра.

Ключевые слова

речевой жанр, материальный субстрат, естественная письменная речь, пригнанность, соперничество, аналогия, симпатия

Для цитирования

Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/81/23

Substratum of natural written speech texts in the aspect of genre relevance

Natalia B. Lebedeva¹, Tatyana G. Rabenko²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ nlebedevab@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6611-1489>

² rabenko@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

Abstract

The research subject matter corresponds to the idea of speech genre parameterization – the definition and justification of genre-relevant features involved in marking the genre character-

© Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 300–311

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 300–311

istics of the text. One of these parameters is a substratum, a material carrier of a written sign. The paper considers various types of correlation between the substrate and genre characteristics of the text, from a high degree of their relationship to their relatively neutral interdependence. Given the concept of M. Foucault, four types of correlation of the substratum and functional-content features of the genre are outlined. *Conformity* is where substratum and functional-content characteristics are harmonized. *Rivalry* is where the substratum and functional-content characteristics of the genre, having a certain closeness and systemically determined integrity, come into conflict, especially once placed in a different sphere, leading to a genre shift. *Analogy* is where form and function, substrate and content, due to their initial heterogeneity, can share only specific characteristics. *Sympathy* is where the substratum and the content exist independently in the world but, under certain conditions, are attracted to each other.

Thus, it seems significant for natural written speech to have an external to the content, may prove to be genre-relevant to some degree. The idea about the organic connection of all sides of a speech work, characteristic of natural written speech, corresponds to the general methodological principle of form, function, and content correspondence.

Keywords

speech genre, material substrate, natural written speech, conformity, rivalry, analogy, sympathy

For citation

Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Substratum of natural written speech texts in the aspect of genre relevance. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 300–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/23

Введение

Основная проблематика настоящего исследования сопрягается с идеей речежанровой параметризации – определения и обоснования жанроворелевантных признаков, нередко принимающих участие в маркировке жанровой характеристики текста. Изучение вопроса о речежанровой параметризации имеет давнюю лингвистическую традицию, восходящую к работам М. М. Бахтина [1986] и развиваемую Н. Д. Арутюновой [1992], В. В. Дементьевым [2010], К. Ф. Седовым [1999], Т. В. Шмелевой [1997], где диагностируются эвристические возможности жанровой идентификации различных коммуникативно-прагматических (коммуникативная цель, или замысел, по М. М. Бахтину [1986]) и формально-структурных [Лебедева, 2006; Шмелева, 1997] признаков жанров, представленных в разных речевых сферах. Разработка новых параметров в системе варианто- и жанрообразования включает результаты исследования в парадигму расширения границ вариантологии, намеченную в статье [Голев, Ким 2009]. Постановка данной проблемы и предлагаемые решения в рамках настоящего исследования осуществляются в контексте теории естественной письменной речи (далее ЕПР), под которой понимается особая речевая сфера, характеризующаяся рядом специфических признаков: письменной формой, отличающей его от устных вариантов речи, неофициальностью (повседневностью) сферы бытования как интенциональным признаком, спонтанностью как способом осуществления письменно-речевой деятельности, непрофессиональностью как способом и характеристикой результата, отсутствием промежуточных лиц и инстанций между отправителем и реципиентом текста [Лебедева, 2006, с. 175].

При этом предполагается, что не все обозначенные выше признаки могут проявляться у каждого текста ЕПР. Придерживаясь данной позиции, мы исходим из притяжения полевого взгляда на обустройство языковой системы [Павлов, 1996],

на различных участках которой обнаруживаются ядерные и периферийные зоны. Только в ядерных зонах представляются все признаки того или иного объекта, на периферии некоторые признаки могут элиминироваться до нуля.

В свете заявленной в работе проблематики представляется необходимым определить понятие субстрата. Под *субстратом* понимается материальный носитель письменного знака – текста, т. е. материал, на котором написан текст, а также его носитель, «вместилище» (конверт, тетрадь, альбом, компьютер и пр.).

Гипотезой исследования является положение, согласно которому для ЕПР субстратные характеристики могут играть в определенной степени значимую роль, вплоть до жанрообразующей и коммуникативно-релевантной, в отличие от искусственной письменной речи, под которой понимаются опубликованные тексты, прошедшие редакционную, цензурную и полиграфическую обработку (см. о противопоставленности естественной и искусственной письменной речи в [Лебедева и др., 2021, с. 17]).

В статье рассматриваются разные типы соотношения субстрата и жанровой характеристики всего текста – от высокой степени их взаимосвязи (вплоть до определяющей роли) – до относительно нейтральной их взаимозависимости. Кроме того, на основе концепции М. Фуко прослеживается характер соответствия субстратных и функционально-содержательных характеристик жанра и намечаются четыре типа соответствия этих сторон. Постановка вопроса о соотношении субстратных и функционально-семантических характеристик в определении жанроворелевантных признаков опирается на общие принципы взаимодействия формы и содержания, а именно на «пронизывающем, согласно широко распространенному убеждению, всё строение языковой системы принципе “асимметрии формы и содержания” в его связи с принципом его полевой структуры (и в его односторонней ограниченности)» [Павлов, 1996, с. 12]. Идея полевой организации различных сторон языка в их континуальности ведет «к разработке “естественных” (содержательных) классификаций в языкознании, единственно соответствующих природе языковых явлений» [Там же, с. 2]. Цель предпринимаемого исследования – проследить, каким образом и в какой степени субстрат как формальный признак жанра может определять существование речевого произведения в пределах некоего жанра речи; выявить характер взаимодействия субстрата (формальной стороны) и функционально-содержательных характеристик жанра текста ЕПР.

Фактологическая база и методы исследования

Фактологическую базу исследования составили архивные материалы Лаборатории естественной письменной речи КемГУ, представленные в авторской редакции.

В качестве основных методов, задействованных в исследовании, выступают сопоставительный метод и метод экстраполяции, привлекаемые на этапе рассмотрения соотношения формальной и функционально-содержательной сторон в разных видах жанров.

Обсуждение и результаты

Развитие тезиса о жанрообразующей роли субстрата, равновеликой иллюкативному замыслу, неизбежно выводит на рассуждение о знаковой функции жан-

ровой формы. В одной из предыдущих работ авторов уже обсуждался вопрос о знаковой природе речевого жанра, в частности, речь шла о роли жанрового имени (формальном признаке) как факторе стабилизации речевого жанра [Лебедева, Рабенко, 2018]. В рамках настоящего исследования идея знаковой функции формы (субстрат) получает свое дальнейшее развитие.

Принципиальная роль субстрата в коммуникативной структуре ЕПР заключается в его функции канала связи, канал до известной степени определяет жанровые характеристики как самого процесса речи, так и ее результата – текста. Наличие некоего писчего материала, того, на чем создается автором произведение ЕПР, – почти неотъемлемая часть самого письменно-речевого явления в его естественной реализации, поскольку в значительной степени жанворелевантным оказывается и то, что написано, и то, на чём это написано. Так, при создании личного письма в случае использования вторичного субстрата (к примеру, листа бумаги, исписанного с одной стороны, а с другой имеющего свободное поле) адресант прибегает к извинению за столь «неподобающий» для переписки материал: *Галка, письмо писал на вокзале, не было бумаги так что извини* (из письма на чистом обороте бланка телеграммы).

Таким образом, жанр личного письма в силу неинституционального характера коммуникации, свойственной ЕПР, допускает свободу выбора субстрата, но, как видим из примера, эта свобода имеет ограничения. Извинения перед адресатом за несоответствующий жанру субстрат свидетельствует об осознании пишущим жанровой значимости материального носителя для данного типа текстов. Заметим, что в некоторых других жанровых реализациях ЕПР, например в текстах наивной литературы, может допускаться значительно бóльшая свобода в выборе субстрата (см. [Лебедева, Корюкина, 2013, с. 69]).

По нашему представлению, жанровая значимость субстрата – этой материальной субстанции текста – является специфической чертой ЕПР, отличающей ее не только от естественной звучащей речи (в которой формой бытия звуковой материи выступает ритмико-интонационная сторона речи), но и от искусственной, т. е. подготовленной, обработанной и опубликованной письменной (научной, официально-деловой, художественной) речи, которая может быть реализована на любом субстрате. Например, стихотворение А. С. Пушкина может быть напечатано на любой бумаге, его ценность от этого не уменьшается, поскольку его содержание автономно по отношению к субстрату (хотя определенное влияние на восприятие читателя оно и оказывает). Это объясняется тем, что тексты искусственной письменной речи не имеют той почти органической связи с материальным субстратом, на котором начертаны знаки, как в ЕПР. В искусственной письменной речи коммуникация уже состоялась, текст относительно завершен, поскольку он не подлежит дальнейшей переработке. Он приобретает независимость от канала передачи. Иное дело – ЕПР. Признак естественности, признак живого в тех письменно-речевых произведениях, которые вышли непосредственно из-под пера автора, отражают его сиюминутное настроение, состояние ума и души, его представления о том, что, как и на чём писать [Лебедева, 2006, с. 175]. Кроме того, эти тексты отражают и ситуацию, условия, в которых они создавались. Причем здесь имеются в виду и жанровые характеристики: к примеру, человек пишет дневник, не спеша, обдумывая как само намерение (*Я взялась в своем дневнике говорить всю правду, хотя не знаю, стоит ли это*), так и выбор содержательного материала (*Я открываю новую тетрадь, чтобы записывать туда откровенные мысли, правдивые истории и искренние чувства*) и субстрата (*Ты* (дневник. – Н. Л., Т. Р.)

у меня почти заканчиваешься! Наверное, заведу тетрадь, ее надолго хватит!). Эти тексты могут претендовать на звание человеческого документа, поскольку в них отражено почти всё «естество» человека – культурное, ментальное, эмоциональное, рече-языковое и многие другие его характеристики, порой независимо от того, что именно автор хотел – осознанно или неосознанно – выразить.

Перефразируя знаменитое высказывание Гумбольдта «язык народа есть дух народа» [1984, с. 70], можно сказать, что любой текст человека – есть его дух, есть «записанное бытие», по выражению Ж. Деррида [2000, с. 132]. В работе «О грамматологии» он пишет, что «голос, порождающий первичные смыслы, близок душе сущностно и непосредственно» [Там же, с. 125], а «естественное письмо непосредственно связано с голосом и дыханием» [Там же, с. 132]. И хотя Ж. Деррида имел в виду несколько иное понимание естественного письма – как «божественная запись в душе и в сердце» [Там же, с. 133], а «письмо в обыденном смысле – это мертвая буква, носитель смерти, душитель жизни» [Там же, с. 132], всё же ЕПР, в нашем понимании, стоит ближе к «хорошему и естественному письму», в понимании Ж. Деррида, чем искусственная письменная речь. Когда обычный, «естественный», человек пишет для себя или для других, но пишет **сам**, без поправок, исправлений и корректировок со стороны других субъектов, его письмо более «естественное, божественное, живое письмо» [Там же], чем то обработанное, подогнанное к конвенциональным образцам и прошедшее типографическую обработку, которое мы читаем в книгах, газетах, научных статьях. Написанное от руки письмо почти так же отражает «дыхание» жизни человека, как устная речь, в которой голос передает состояние души и мысли говорящего («если взять за точку отсчета неразрывную связь голоса с душой или мыслью об означаемом, т. е. с самой вещью» [Там же, с. 126]). Напечатанное на компьютере или в мобильном телефоне уже менее связано с непосредственным отражением состояния человека, поскольку между ним и текстом встает механический «фильтр», но всё же это отражение, пусть и несколько опосредованное, имеет место, так как спонтанность естественного письма обеспечивает эту связь. Тексты, субстратом которых становится электронный носитель, даже будучи производными от текстов собственно ЕПР, приобретают жанровое своеобразие, они становятся вариантными разновидностями исходных жанров [Рабенко, 2017, с. 27; 2018, с. 253].

Таким образом, текст ЕПР, как и всё живое и естественное, обладает органической связью всех сторон – содержательной, формальной, структурной, функциональной. Даже те стороны, которые кажутся внешними и нерелевантными в других видах коммуникации, в ЕПР входят как непосредственная составляющая сути явления. Текст ЕПР, будучи выполненным на определенном субстрате, помимо содержательной стороны имеет вещественную сторону, а «вещь не только понимается как носительница своего смысла, но может явиться средством сообщения и передачи другого смысла» (подчеркнуто нами. – *Н. Л., Т. Р.*) [Габричевский, 2002, с. 31]. Материал текстов ЕПР – язык и субстрат – укоренен в повседневности, поэтому пишущий и читающий обычно не обращают на них внимания. Лишь при особых условиях, например при их несоответствии привычным нормам, игровом подходе к тексту, при его исследовании и пр., раскрывается их значимость, которая «молчит, пока мы ею пользуемся, стоит ее созерцать, как она сразу начинает говорить тысячей голосов, вспоминает свое культурное прошлое, свою собственную историю, начинает говорить о том месте, которое она занимает в мире, и вступает в диалог с созерцателем» [Там же, с. 37].

Итак, субстрат и функционально-содержательные признаки текстов ЕПР определенным образом взаимодействуют друг с другом. При этом представляются возможными разные варианты их взаимоотношений. По степени их взаимодействия можно выделить несколько групп жанров ЕПР и расположить их на шкале от максимальной зависимости до минимальной. Заметим, что мы не предлагаем исчерпывающий список всех жанров, расположенных на этой шкале, поскольку такого списка еще нет, если он вообще возможен. Намечается приблизительная шкала жанров, которые выстраиваются в континуальный ряд по степени убывания этих зависимостей.

Жанры, где обнаруживается максимальная зависимость функционально-содержательных характеристик жанра от материальной стороны. В таких жанрах то, на чём написано (субстрат), чуть ли не важнее того, что написано (содержание), более того – функционально может его заменять. К примеру, в современной коммуникации получила распространение традиция посылать поздравление в виде купленной красочной открытки, на которой нередко уже имеется типографским способом нанесенный текст. Поскольку этот текст не написан самим поздравителем, а поздравление вроде от него, то он является «как бы автором», т. е. мнимым, условным автором, псевдоавтором. Рукописная часть (собственно ЕПР) может быть сведена к подписи или банальным, во многом формальным, строкам «желаю здоровья и счастья» (см. [Сухотерина, 2007]).

Жанры, в которых жанровая значимость субстрата настолько велика (однако не столь, как в первом случае), что определяет номинацию этих жанров. Это попутные жанры: «записи на полях» и «маргинальная страница тетради» [Плаксина, 2009], «книга жалоб и предложений» [Шуматова, 2012], граффити [Тюкаева, 2005] и другие тексты ЕПР. Заметим, что граффити – это записи на неписчем материале (забор, стена, камень, парта, асфальт). Для доказательства нашей концепции этот пример особенно важен, так как в нем ярко проявляется жанровая значимость субстрата. В специальном исследовании граффити Е. В. Бажкова, М. Л. Лурье и К. Э. Шумов подчеркивают значимость субстратного компонента как жанрообразующего фактора: это «термин для обозначения всех видов случайных надписей и рисунков на стенах домов», «любые неофициальные публичные тексты» [Бажкова и др., 2003, с. 430], «места, где чаще всего можно встретить, это, как правило, маргинальные зоны городского пространства» [Там же, с. 438]. Данные примеры подтверждают, что субстратный признак определяет жанровую характеристику этого письменного артефакта.

Жанры, называемые «деловыми записями» [Юркевич, 2011]. Это тексты, нередко объединенные под одной обложкой в виде тетради или книги – ежедневники, блокноты, записные книжки и пр. Специфическая функция деловых записей – письменно-речевой способ организации деятельности лица, что детерминирует такой структурный признак субстрата, как разграфленность листов по датам, фамилиям, графическая дробность расположения материала.

Жанры, объединяемые по степени «подготовленности» субстрата к наполнению их определенными типами текстов. Важнейшие признаки таких жанров: объемность, тематическая однородность и определенная регулярность заполнения: девичий альбом [Борисов, 2002; Рабенко, Горовая, 2021], мемуары, личный дневник и пр.

Жанры с менее взаимозависимой связью субстрата и функционально-содержательной характеристики. Это разновидности эпистолярного жанра, в разной степени имеющие эту взаимозависимость: письмо в редакцию, письмо в официаль-

ные органы, открытое письмо, публикуемое в СМИ, деловое письмо, частное письмо. Но даже наиболее свободное по структуре частное письмо имеет определенную жанровую обусловленность: кроме указанной выше особенности в выборе субстрата, еще и трехчастную структуру, имеющую длительную традицию: приветствие, сам текст, прощание. Примерно такой же тип связи обнаруживается и в жанре частной записки [Зырянова, 2009], в котором субстратный признак, имеющий жанроворелевантную характеристику, ограничивается почти единственным свойством – сравнительно небольшим объемом как формы, так и содержания.

Представив классификацию жанров с учетом функционально-содержательных характеристик жанра от его материальной стороны, перейдем к анализу взаимоотношений субстрата и функционально-содержательной стороны жанров ЕПР, опираясь на концепцию французского структуралиста М. Фуко. Он предложил концепцию системы композиционных подобий, состоящих из четырех композиционных сходств: пригнанности, соперничества, аналогии и симпатии [Фуко, 1994, с. 53]. Экстраполируя концепцию Фуко в область речевого жанроведения, представим возможные типы подобия субстратных и функционально-содержательных характеристик жанра.

Пригнанность – это сходство, «которое в меньшей степени принадлежит вещам, чем миру, в котором они находятся» [Там же, с. 54]. Как представляется, в нашем случае суть этого подобия заключается в гармонизации субстратных и функционально-содержательных характеристик в таких аспектах, как масштабность, пропорциональность, соответствие материала. К примеру, значительный объем дневниковых записей предполагает и большой формат субстрата – общую тетрадь, малый формат записки соответствует и малому объему содержания.

Соперничество – вторая форма подобия, когда «звенья цепи <...> воспроизводят свои замкнутые очертания <...> без всякого контакта между собой» [Там же, с. 55]. Субстрат и функционально-содержательные свойства имеют здесь определенную замкнутость, свою системно обусловленную целостность. Они могут приходить в конфликтные отношения, особенно если оказываются в иной – «неродной» – сфере, что приводит порой к переходу в другой жанр. Так, рукописный дневник имеет в качестве субстрата тетрадь, которая находится с автором записей во владельческих отношениях: тетрадь – собственность автора, и поэтому только он может решать вопрос о доступе к нему постороннего читателя. С перенесением личного дневника на электронный субстрат – в открытое пространство Интернета – теряется функциональное свойство закрытости дневникового жанра. Возникает явление, называемое М. А. Кронгаузом «интимной публичностью» (2009). Как следствие, в интернет-коммуникации появляется ряд жанровых образований, которые сохраняют жанровое имя «дневник» (формальный признак), но, по сути (с учетом функционально-содержательного плана), представляют другой речевой жанр или жанроид [Рабенко, 2017, с. 19]. В итоге электронный субстрат приводит к размыванию границ дневникового жанра. В связи с рассмотренным примером полагаем, что известное положение М. М. Бахтина о композиционной, тематической и стилистической типизированности речевого жанра [Бахтин, 1986, с. 250] применительно к области ЕПР может быть дополнено еще и признаком типизированности субстрата. Нарушение данного тетраединства, приводящее к «рассогласованию» обозначенных жанровых признаков, способствует модификации речевого жанра и, возможно, появлению нового жанра (например, интернет-дневников, состоящих из картинок, фотографий или цитат). Нечто подобное можно

наблюдать и при функционировании жанра SMS-сообщения. Возникнув как жанровая реализация технологии, позволяющей осуществлять прием и передачу коротких текстовых сообщений с помощью сотового телефона, жанр SMS всё более дистанцируется от своего субстрата – мобильного телефона, или, иначе говоря, от собственно технического коммуникативного сервиса [Кушакова, 2016, с. 11]. В настоящее время SMS-сообщение вышло за рамки чисто коммуникативно-диалогового пространства. Сформирован комплекс SMS-услуг, непосредственно связанных с массовой культурой, освоившей эту область информационного пространства. В интернет-пространстве существуют сайты с SMS на разные случаи жизни. Такое соперничество субстратных и формально-содержательных характеристик жанра приводит, на наш взгляд, к формированию гипержанра SMS как некой совокупности жанров, обладающих вариативными формально-содержательными и коммуникативно-семиотическими признаками, детерминированными электронным носителем (субстратом).

Аналогия – третья разновидность подобия. Как пишет М. Фуко, это «не массивные, зримые подобия вещей <...>, а всего лишь более тонкие сходства их отношений <...> [сближающие] любые фигуры мира» [Фуко, 1994, с. 57]. Здесь мы имеем дело «со сходством, симметрией, метафоричностью и пр., то есть с тем, когда нечто не буквально, не во всех аспектах, а только в каких-то структурных или ассоциативных моментах напоминают другое – Нетождественное, Иное» [Там же, с. 28]. Форма и функция, субстрат и содержание в силу своей изначальной разнородности только отдельными черточками, штрихами могут быть аналогичными друг другу. В качестве примера приведем распространившуюся в недавнее время традицию изготавливать субстрат уличных частных объявлений с нарезанными внизу листа полосками с телефонными номерами, что вызывает аналогию с отдельными адресатами, которые могут оторвать эти номера и взять с собой.

Симпатия – четвертая форма подобия, которая «приводит в движение вещи в мире, вызывая взаимное сближение самых отдаленных из них» [Там же, с. 59]. Субстрат и содержание существуют в мире независимо друг от друга, но при определенных условиях они притягиваются друг к другу. Эти условия – коммуникативная потребность, иллюзия (первый шаг), подбор субстрата под содержание по закону аналогии и пригнанности, преодоление их соперничества и «зарождение» симпатии (второй шаг). В итоге возникает симфония их соединения – появляется текст ЕПР.

Заключение

Таким образом, письменный текст, даже в такой непосредственной, свободной, независимой от редакторов и цензоров реализации, как ЕПР, имеет в той или иной степени субстратную обусловленность функционально-содержательной стороны жанра, т. е. жанворелевантную значимость, что на данном материале подтверждает общефилософский принцип связи формы и содержания. В работе не ставилась задача представить весь список жанров, распределенный по шкалам взаимозависимости субстрата и функционально-содержательных характеристик, мы ограничились отдельными примерами, чтобы поставить и обосновать проблему принципиальной связи этих двух сторон такого явления, как жанровую релевантность субстратной составляющей. Такого списка пока не существует, его создание – задача будущего развития теории ЕПР. Эта задача нами формулируется как создание своего рода «энциклопедии жанров ЕПР». И, как показывает любое

описание письменных текстов в рукописной форме, значимость такой принципиальной связи безусловна, см., в частности, анализ некоторых рукописных артефактов, представленный в коллективной монографии под редакцией С. Ю. Неклюдова «Современный городской фольклор» [2003], в работе С. Б. Борисова «Мир русского девичества. 70–90 годы XX века» [2002] и других его работах.

В качестве вывода отметим следующее. Для ЕПР представляется значимым органический синтез всех сторон речевого произведения, потому такой, казалось бы, внешний для содержания признак, как субстрат, может оказаться в той или иной степени жанворелевантным. Тезис об органической связи всех сторон речевого произведения, свойственной ЕПР, соответствует общеметодологическому принципу координации формы, функции и содержания. Это является в определенной степени отличительным признаком ЕПР от других видов речевой деятельности. Субстратные и функционально-содержательные характеристики жанра, взаимодействуя друг с другом по принципу пригнанности, соперничества, аналогии, симпатии, определяют существование жанра, возможность его последующей модификации (при изменении субстрата и относительном сохранении функционально-содержательных свойств) и появление нового жанра.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
- Бажкова Е. В., Лурье М. Л., Шумов К. Э.* Городские граффити // Современный городской фольклор / Под ред. С. Ю. Неклюдова. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 430–449.
- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.
- Борисов С. Б.* Мир русского девичества. 70–90 годы XX века. М.: Ладомир, 2002. 343 с.
- Габричевский А. Г.* Смысл вещей // Морфология искусства. М.: Аграф, 2002. С. 31–39.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. № 27 (165), вып. 34. С. 12–21.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
- Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
- Деррида Ж.* О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
- Зырянова Е. Г.* Частная записка как жанр естественной письменной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 218 с.
- Кушакова Н. О.* Дискурсивный анализ SMS-опосредованной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2016. 23 с.
- Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как проявление народной культуры // Антропотекст-1: Сб. ст. Томск, 2006. С. 295–303.
- Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Максимова (Плаксина) Н. Ю., Тюкаева Н. И.* Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2021. 236 с.
- Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А.* Наивный автор как письменно-речевая личность: жанровый аспект. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2013. 179 с.

Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника) // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 437. С. 29–35.

Павлов В. М. Полевые структуры в строе языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1996. 116 с.

Плаксина Н. Ю. Маргинальные страницы тетрадей в жанроведческом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 222 с.

Рабенко Т. Г. Речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале жанра «личный дневник») // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 425. С. 19–25.

Рабенко Т. Г. Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 250–260.

Рабенко Т. Г., Горовая Я. О. Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 262–275.

Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 13–26.

Современный городской фольклор / Под ред. С. Ю. Неклюдова. М.: Изд-во РГГУ, 2003. 736 с.

Сухотерина Т. П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 252 с.

Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 227 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–99.

Шуматова Т. В. Книга отзывов и предложений как явление естественной письменной русской речи: жанровый аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 212 с.

Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 198 с.

References

Arutyunova N. D. Zhanry obshcheniya [Genres of communication]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis.]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.

Bazhkova E. V., Lur'e M. L., Shumov K. E. Gorodskie graffiti [Urban graffiti]. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, RSUH Publ., 2003, pp. 430–449.

Borisov S. B. *Mir russkogo devichestva 70–90 gody 20 veka* [The world of Russian girlhood 70–90 years of the 20th century]. Moscow, Ladomir, 2002, 343 p.

Gabrichevskiy A. G. Smysl veshchey [The meaning of things]. In: *Morfologiya iskusstva* [Morphology of art]. Moscow, Agraf, 2002, pp. 31–39.

Golev N. D., Kim L. G. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variative-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 2009, no. 27 (165), iss. 34, pp.12–21.

Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress, 1984, 400 p.

Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010, 600 p.

Derrida Zh. *O grammatologii* [About grammatology]. Moscow, Ad Marginem, 2000, 511 p.

Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad, 1994, 408 p.

Kushakova N. O. *Diskursivnyy analiz SMS-oposredovannoy kommunikatsii* [Discursive analysis of SMS-mediated communication]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Omsk, 2016, 23 p.

Lebedeva N. B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak proyavlenie povsednevnoy narodnoy kul'tury [Natural written Russian speech as a manifestation of everyday folk culture]. In: *Antropotekst-1: Sb. st.* [Anthropotext-1: Collected articles]. Tomsk, TSU Publ., 2006, pp. 295–303.

Lebedeva N. B., Koryukina E. A. *Naivnyy avtor kak pis'menno-recheyaya lichnost': zhanrovyy aspekt* [Naive author as a written-speech personality: Genre aspect]. Kemerovo, KemSU Publ., 2013, 179 p.

Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Zhanrovoe imya kak faktor stabilizatsii rechevogo zhanra (na materiale zhanra dnevnika) [Genre name as a factor of stabilization of the speech genre (based on the material of the diary genre)]. *Tomsk State University Journal*. 2018, no. 437, pp. 29–35.

Lebedeva N. B., Zyryanova E. G., Maksimova (Plaksina) N. Yu., Tyukaeva N. I. *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing: Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, KRASAND, 2021, 236 p.

Pavlov V. M. *Polevye struktury v stroe yazyka* [Field structures in the structure of the language]. St. Petersburg, UNECON Publ., 1996, 116 p.

Plaksina N. Yu. *Marginal'nye stranitsy tetradey v zhanrovedcheskom aspekte* [Marginal pages of notebooks in the genre aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2009, 222 p.

Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O. Tipy dialogichnosti v zhanrovoy strukture devich'ego al'boma [Types of dialogicality in the genre structure of a girl album]. *Culture and text*. 2021, no. 1 (44), pp. 262–275.

Rabenko T. G. Rechevoy zhanr v paradigme lingvisticheskoy variantologii (na material zhanra "lichnyy dnevnik") [Speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the material of the "personal diary" genre)]. *Tomsk State University Journal*. 2017, no. 425, pp. 19–25.

Rabenko T. G. Variativnoe funktsionirovanie rechevogo zhanra (na materiale zhanra lichnogo dnevnika) [Variative functioning of the speech genre (on the material Genre of a personal diary)]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 250–260.

Sedov K. F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh, 1999, iss. 2, pp. 13–26.

Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh, 1997, iss. 1, pp. 88–99.

Shumatova T. V. *Kniga otzyvov i predlozheniy kak yavlenie estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi: zhanrovyy aspekt* [The book of reviews and suggestions as a phenomenon of natural written Russian speech: genre aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2012, 212 p.

Sovremennyy gorodskoy fol'klor [Modern urban folklore]. S. Yu. Neklyudov (Ed.). Moscow, RSUH Publ., 2003, 736 p.

Sukhoterina T. P. "*Pozdravlenie*" kak giperzhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi [Congratulations as a hypergenre of natural written Russian speech]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2007, 252 p.

Tyukaeva N. I. *Studencheskoe graffiti kak zhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* [Student graffiti as a genre of natural written Russian speech]. Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2005, 227 p.

Yurkevich A. S. *Ezhednevnik kak zhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* [Diary as a genre of natural writing]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2011, 198 p.

Zyryanova E. G. *Chastnaya zapiska kak zhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* [School note as a genre of natural written speech]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2009, 218 p.

Информация об авторах

Наталья Борисовна Лебедева, доктор филологических наук, профессор
Татьяна Геннадьевна Рабенко, доктор филологических наук, профессор

Information about the authors

Natalia B. Lebedeva, Doctor of Philology, Professor
Tatyana G. Rabenko, Doctor of Philology, Professor

Статья поступила в редакцию 14.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 20.08.2022
The article was submitted 14.08.2022;
approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 20.08.2022